

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

РАДИОНЯНЯ

Михаил КОЗЫРЕВ («Наше Радио»):
«Хуже мата только
воинствующая пропаганда
православия»

Влад КОВЛЕЙСКИЙ

Американец Говард Стерн, не обладавший никакими особенными талантами, сделал себе имя весьма простой вещью. Заурядный ди-джей провинциальной радиостанции начал материться в радиозфире, как сапожник. Публика пришла от этого в такой восторг, что рейтинги Стерна перекрыли популярность всевозможных киноактеров, музыкантов и прочих ньюсмейкеров. Было это давно и неправда. Нынче ненормативной лексикой в эфире удивить кого-то трудно, да и общество стало относиться к подобным эскападам более толерантно. Насколько толерантно относятся к этому руководители радиостанций, «МК-Бульвар» решил выяснить у Михаила Козырева — генерального продюсера «Нашего радио» и «Радио Ультра», бывшего программного директора

«Радио Максимум» и одного из самых известных персонажей в этой сфере бизнеса.

— Существуют ли какие-то нормативные акты, которые регламентируют присутствие мата в радиозфире?

— Существует статья четвертая Закона «О СМИ», в которой нет ничего о мате, но есть формулировка, что средство массовой информации не может быть использовано для провоцирования уголовно наказуемых действий. Например, для пропаганды порнографии. Все остальное — вопрос трактовки. Некоторые выражения могут быть подогнаны под порнографию. Но о нецензурной лексике в этом законе нет ни слова. С другой стороны, есть административная ответственность за ругательства в публичном месте, коим может быть представлен и радиозфир. Правда, прецедентов таких пока не было.

— Вы лично, как генеральный продюсер радиостанции, считаете, что ненормативная лексика — это табу?

— Я считаю, что есть некоторые нерушимые табу, а есть рамки, которые можно раздвигать. Мы можем себе это позволить, если это не оскорбляет вкус большей части аудитории. На «Нашем радио» мы включили в эфир две песни группы «Ленинград», одна из которых содержит матерное слово «бля», а вторая — нематерное «жопа». Вначале мы перекрывали эти слова «бипом», а потом перестали, потому что эти выражения четко вписываются в контекст песен.

— Зато на второй вашей станции — «Ультра» — частенько слышится более весомое слово «fuck»...

— Я руководствуюсь следующим: иностранный мат не звучит оскорбительно в этой стране в принципе. В Америке отношение к мату несколько иное. Если снимают кино про гангстеров, то они говорят на реальном языке гангстеров. С другой стороны, на американском радио правила определены предельно четко. Существует федеральная комиссия коммуникаций (FCC), которая запрещает, если я не ошибаюсь, пять выражений: «fuck», «cunt», «cocksucker», «ass», «motherfucker». Однако существуют ра-

диостанции, где ди-джеям разрешают употреблять эти слова в эфире. Их регулярно штрафуют, пытаются отозвать лицензию, но рейтинг и средства от рекламы на этих станциях настолько перекрывают все судебные издержки, что материться в эфире просто выгодно. Говард Стерн — один из примеров.

— «Радио Максимум», где вы работали раньше, частично принадлежало американцам, как, впрочем, и ваш нынешний проект. Заокеанские хозяева выставляют какие-то требования к политкорректности эфира?

— На «Максимуме» я был программным директором, здесь же у меня нет начальства, за исключением, собственно, владельцев. Человек, который курировал нашу программную политику с американской стороны, был очень боязлив и маниакально политкорректен. Там нельзя было и подумать о том, чтобы поставить в эфир оригинальную версию Radiohead «Creep» (в цензурированной слово «fuckin'» заменено политкорректным «very». — Прим. ред.). Возвращаясь к «Ультре», повторяю, что я не считаю слово fuck оскорбительным для русского уха. Хотя в этом вопросе и имею противников даже в среде своих друзей. В частности, Володя Шахрин, многолетний отец, считает, что это недопустимо.

Выражение «пидарас» в песне «Кирпичей» на «Радио Ультра» решили считать синонимом слова «гад».

— Однако ж, когда на «Ультре» крутилась русская музыка, частенько встречалась песня «Кирпичей» «Торчи, пидарас, торчи»...

— У меня было очень много споров внутри коллектива по поводу того, давать ли ее в эфир. «Педераст» обозначает человека нетрадиционной сексуальной ориентации, хотя, на мой взгляд, гомосексуальная ориентация такая же традиционная, как и гетеросексуальная. Однако в быту слово «пидарас» употребляется в значении «гад» и не имеет никакого отношения к сексуальной ориентации. Мы решили, что уличное значение перевешивает буквальное, и поставили эту песню.

— Песни, в которых слова перекрываются глушилкой, присылаются в таком виде с компаний или это уже работа редактора радиостанции?

— Что касается западных исполнителей, то сначала присылаются т.н. «clean version» — то есть опцензурированная версия тре-

ка. Полная версия выходит позже, на альбоме. наших исполнителей мы перекрываем сами, если это необходимо. Хотя Найк Борзов, например, сам предложил нам «лошадку» со словом «кокаин», вывернутым на оборот. Я посчитал, что это будет лучше, чем давать в эфир оригинальную версию.

— А можно ведь срифмовать со словом «героин» — еще круче получится...

— У нас есть песня «Фемини» — «герой на героине». Тут еще сложнее разобраться. Для меня никогда не было проблемой, выпускать или нет ненормативную лексику. С наркотиками все гораздо сложнее. Я не против того, что наркотики фигурируют в песнях. Я против спекуляции на теме. Лет пять назад я отказался ставить ту же лошадку в эфир, потому что никто не знал, кто такой Найк Борзов, а раскрутиться на наркотической теме очень просто. Сейчас, когда он известный артист, — дело другое.

— Во время первой чеченской кампании вы пустили в эфир «Максиму» песню «Шамиль Басаев». Это, по-вашему, политкорректно?

— Тогда позвонили из офиса генерала Лебедева и попросили дать копию послушать. После этого мы решили эту песню снять. Но надо учитывать, что, во-первых, имя Басаева тогда не несло такой жуткой ауры, как сейчас. Во-вторых, припев «freedom, freedom, i want freedom for my people» («свобода, свобода, я хочу свободы для своего народа») указывает на антивоенный характер. Это была еще одна провокация, мы хотели показать свое отношение к этой войне.

— Если кто-то из ваших ди-джеев позволит себе выразиться в эфире?

— У меня есть несколько возбудителей спокойствия, с которыми очень сложно рубиться по словам — ведущие утреннего шоу. Они придумали себе термин «банько», опустив первую букву «е». Называть их за это нельзя. Но, конечно, прямого мата в устах ведущих я не потерплю. Если планка у ведущего будет зашкаливать, то человек просто будет уволен.

— Что для вас хуже мата в эфире?

— Я крайне жестко отношусь к любым проявлениям национализма. Слова типа «чурка» и «ниггеры» недопустимы в эфире даже в виде цитаты. Я очень негативно отношусь к гомофобии. Меня сильно напрягает воинствующая пропаганда православия — это уже превращается из некоей доминирующей религии в пропагандистскую машину. Особенно когда рокеры туда сюются. Я вообще не люблю пошлость. Например, когда анекдоты в эфире рассказывают. Поэтому мы этого и не делаем.

НАШИ ЭКСПЕРТЫ

Андрей ЧИБИС,
вице-президент MTV-России:

— У нас достаточно негативное отношение к ненормативной лексике на телевидении в целом и на MTV в частности. Если говорить про англоязычные песни, то в любой стране существует основной язык и языкодублер. У нас единый язык — русский. Поэтому то, что звучит на ином языке, не считается ни фактически, ни юридически нецензурной бранью. «Факи», которые звучат в иностранных песнях, воспринимаются как иностранное слово, не более того. Что касается русской лексики, то литературные слова допускаются к употреблению. Скажем, в песне «Михея и Джуманджи» «Сука-любовь» слово «сука» было написано даже в титрах. У нас не существует списка слов, которые запрещены к употреблению, но даже литературные выражения, приравненные к мату, в эфире не идут. Наши американские соведельцы были в шоке, когда в ротацию попала песня «Мазафака» группы «Грин Грей». Нам стоило больших усилий объяснить

им, что в русском языке это слово не является определением чего-либо. Но сейчас они поняли, что у русских особый менталитет, и предпочитают не соваться в нашу эфирную политику.

Александр ГОЛЬДБУРТ,
начальник пресс-службы РТР:

— В прошлом году мы создали специальное подразделение под названием «Служба русского языка». Это случилось из-за нашего крайне осторожного отношения к неологизмам и ненормативной лексике, которые стали атрибутами русской речи. Сейчас мы больше заняты вопросами филологического характера. Конечно, из песни слова не выкинешь. Подчас в фильмах, которые идут в то время, когда у экранов могут сидеть дети, попадают такие словечки. Наверное, это вопрос общей морали, потому что, к сожалению, фильмы, которые раньше никак не могли попасть в прайм-тайм или в дневной эфир, оказываются в этой сетке. У нас есть документальный сериал «Откройте, милиция!», в котором, конечно, работники правоохранительных органов не могут сдерживать своих эмоций

и не стесняются в выражениях, но мы перекрываем их, потому что вряд ли кому-то доставит удовольствие видеть жизнь милиции «по-настоящему». В сериале «Друзья» — вы знаете, американцы любят подобного рода выражения — нам с трудом удалось сделать более или менее приличную речь: прямой перевод просто не поддавался никакой цензуре. Так что отношение у канала РТР к ненормативной лексике более чем негативное.

Татьяна ТЕРНОВСКАЯ,
начальник отдела правового обеспечения печатных СМИ Минпечати РФ:

— В тех законодательных актах, которыми руководствуемся мы — это закон о СМИ, закон об авторском праве и положения, регламентирующие порядок выдачи лицензий на издательскую деятельность, — регламентирование употребления ненормативной лексики никак не прописано. Если что, мы берем экспертное заключение у Института русского языка. Однажды хотели зарегистрировать название «Е.П.С.Т.», но дело не дошло до окончательного официального решения...